

Игорь Павлов

ЩИКАНА

Игорь Павлов

Шикана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42388566

ISBN 9785449669872

Аннотация

Ей всего 10 лет, а уже приходится терять маму и вместе с папой менять страну. Но поиски успокоения приводят к ещё большим потрясениям. И моральному, и физическому. И которое из них будет тяжелее – ещё вопрос.

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	10
2	16
3	22
4	26
5	29
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Шикана

Игорь Павлов

*И небо,
в дымах забывшее, что голубо,
и тучи, ободранные беженцы точно,
вызарю в мою последнюю любовь,
яркую, как румянец у чахоточного...*
ДАРЬЯ ПОЛЯКОВА

Редактор и корректор Илья Таучелов

© Игорь Павлов, 2019

ISBN 978-5-4496-6987-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Дождь моросил и моросил... Размокшая ископанная земля комочками глины осыпалась в свежеврытую могилу. На тележке неприятно ярким пятном розовел гроб (это был любимый цвет покойной), и контрастно чернели строгие одежды пришедших сказать «последнее прости». Их было немного. В основном, женщины. Мужчин, не считая раввина, было трое и всего один ребёнок. Девочка лет десяти. Она стояла, тесно прижавшись к боку отца, и не отрывала глаз от церемонии. Молодой, но серьёзный, раввин читал поминальную молитву.

Иногда украдкой девочка бросала взгляд на лицо матери, и ей казалось, что это какой—то дурной сон, который почему—то завис, как поражённая вирусом «операционка» компьютера. Лицо в гробу было бледным, но совершенно живым, а на губах угадывалась чуть заметная знакомая улыбка.

«Она же просто спит!» – хотелось закричать во весь голос, – «Она не умерла! Вы что, не видите?!»

– Эль маре рахим...

Начиналось прощание. Папа подошёл первым. Наклонился, поцеловал в лоб и заплакал. Молча заплакал, как обычно плачут мужчины. И страшно.

– Подойди, Меира. Попрощайся с мамой.

«Это ей? Зачем это? И почему Меира? Она же Мария,

Маша!»

Ноги сами двинулись к страшному гробу.

«Это не мама! Это какая-то другая женщина! Она только похожа на маму!»

Лоб был ужасно холодным. Ледяным. Живыми были только маленькие дождевые капельки, почему—то солёные на вкус.

– Пора!

Крышку медленно опустили на место, и два служащих пражского «Хевра кадиш» установили гроб на подъёмник. Стоящие вокруг женщины завсхлипывали, очень смешно, как всхлипывают испуганные кролики.

«Зачем они? Это же не мама!»

Отец крепко стиснул Машину руку и подошёл к самому краю. Взял мокрую горсть, почти грязь, половину сунул ей в ладошку.

– Бросай.

И первым высыпал слипшийся комочек в могилу. Прямо на розовое.

Вещи, вырванные из своих привычных мест, создавали уютный хаос. Два тяжёлых, закрытых и готовых к дальней дороге, чемодана сумрачными надгробиями выселись в конце гостиной.

Марии вдруг почудилось, что сейчас всё закончится. Надо просто зажмуриться покрепче, досчитать до ста и этот кош-

мар исчезнет.

Она так и сделала. Ничего не случилось. Папа утрамбовывал последние, нужные с его точки зрения, мелочи в ручную кладь, а тётя Рива, жалостно подперев голову рукой, перидически вздыхала и морщилась.

– Может, передумаешь, Иван? – не выдержала тётка, – Закрываешь фирму, бросаешь налаженное дело, отрываешь от привычной среды дочь, – она быстро промокнула платочком ставшие влажными глаза, – оставляешь здесь совсем одну Мириам...

– Рива, не надо, пожалуйста! Мы же всё обговорили, – знакомый нам по сцене прощания на кладбище мужчина, отец Маши, страдальчески поднял брови домиком, – а Мириам не будет одна. С ней остаётесь вы, с Соломоном и Юзеком.

Он ожесточённо запихнул в сумку что-то квадратное и щёлкнул «зипом».

– Поймите! Я должен уехать! Если нет, – он понизил голос, – то я просто сдохну здесь от тоски по ней... не по-мужски, да?

– Почему же не по-мужски? – хозяйка погладила ладонью подлокотник, – Именно по-мужски! Настоящий мужчина не стыдится показать боль, когда теряет любимую. Знаешь, когда вы хотели пожениться, меня всё отговаривали отдать тебе мою звёздочку. Русский, мол, обычаи наши ему чужды, не примет он иудейской веры. А некоторые, даже бросались такими непотребными словами, как «гой»...

Она умолкла. Испугалась, что сказала лишнего. Но он не обиделся. Наоборот. Даже улыбнулся.

– А вы?

– А я? А я видела вашу любовь, твою любовь, и сказала, себе самой – «Не делай зла, Рива, не разрушай созданный Богом союз из-за глупых суеверий, дай сироте счастья, которое она заслужила страданиями лет, прожитых без родителей».

– Вы несправедливы к себе! Вы заменили Мириам и мать и отца настолько, насколько это вообще возможно!

Иван ласково дотронулся до лежащей на подлокотнике руки.

– Заменяла... – горько выдохнула Рива, – родителей никто не заменит! Но, как старшая сестра Миры, я постаралась хоть немного компенсировать ей родительскую любовь. Тем более, моя собственная жизнь не сложилась... прости, что о себе. Никому оказалась не нужна старая толстая глупая Рива.

Печаль не удалось спрятать за иронию.

– Во сколько завтра ваш рейс?

– В десять пятнадцать по местному.

– Понятно.

Почти наклонившись к лицу зятя и чуть скосив глаза в сторону девочки, она тихо произнесла:

– Береги её, Иван. И знаешь что, – чуть помялась тётка, – не зови её там, в России, Меира. Пусть будет – Маша. Чем

плохое имя? И раздражать будет меньше...

– Думаю, это излишне. Времена антисемитизма, слава Богу, прошли.

– Возможно, – неуступчиво подняла подбородок Рива, – и всё же, зови её Маша.

Взлетающий самолёт, один из многих тысяч, красиво вырубивал в свой коридор. Прага уменьшалась и уменьшалась. Дома были сначала со спичечный коробок, потом с почтовую марку, а потом и вовсе пропали из виду. Мягкие облака выстилали пушистый ковёр, и верилось, что всё самое плохое – кончилось. Впереди была новая жизнь.

1

Удивительно, но Энск почти не изменился. Пятнадцать лет назад, в конце девяностых, уезжая с молодой женой «за бугор», Иван совсем не осознавал, как неподвижно время. Тогда думалось, что счастье ещё там, идёт навстречу, улыбаясь переполненными витринами магазинов и обложками модных журналов. А здесь, здесь оставалась ободранная земля, «братковский» беспредел и постоянное выживание.

Время, конечно, только притворялось. Никакого (во всяком случае, видимого) бандитского засилья на улицах, особенно в центре. Было чисто и даже уютно, а разбитые «Лады» и «Москвичи» заменили дорогие иномарки. И только дома оставались прежними.

И Миша. Миша Сулимов.

Лучший, возможно самый лучший, друг, которого только можно пожелать. Ещё со школьных золотых времён. Сейчас он был суетлив, как бывает суетлив гостеприимный хозяин, принимающий дорогих гостей.

Ивану было хорошо. Впервые за эту страшную неделю. Напряжение немного отпустило, дав передышку воспалённому мозгу.

«Правильно сделал, что уехал, – подумал Иван, – правильно. И для дочурки – тоже правильно».

У них было очень много общего с Мишей. Общее детство,

общие увлечения, и до странности похожая взрослая жизнь. Как и у Ивана, у Михаила подрастала дочь, как и у Ивана теперь, у Миши не было жены (только она просто ушла, а не ушла навек), и профессии их тоже были сходными.

– Давай, Ванёк, – коньяк золотисто плеснул в рюмки, – за твой приезд, за Родину, как говорится и за то, чтобы у тебя на Родине всё получилось! Лимончик бери.

Они выпили и закусили лимоном.

– Чем заниматься здесь думаешь?

– Не решил пока. Осмотрю пару недель. А вообще, наверно, тем же. Открою охранную фирму.

– Брось! – Михаил соорудил огромный бутерброд с колбасой и поморщился, – Может, к нам пойдёшь? В полицию? (перебивая пытающегося возразить Ивана) Ну да, ну да, образования специального не имеешь, но ты ж спецназовец!

– Бывший.

– Спецназовцы бывшими не бывают, – шутливо погрозил пальцем хозяин, – Или это не спецназовцы. Ты подумай. Пока в патрульные, потом на заочное поступишь... а? Перспектива!

– Староват я для такой перспективы, Миша. Да и сам с усами.

Иван встряхнул головой и улыбнулся:

– К тому же, и дочери больше времени посвятить хочется.

Он закурил и, искоса глянув на друга, осторожно произнёс:

– Да. Неожиданно про Лёлю... не знал.

– А чего неожиданного? – зло сказал Михаил, разлив остатки коньяка, – Она всегда такая была. Где праздник – там и Лёля. А тут серятина сплошная, муж – капитанишка задрипаный, дочь – инвалид. Что впереди? Ничего! И вдруг, нате! – жених заграничный, богатый, ах—трах, Гавайи, Майями! Такие дела, брат, – он выплеснул коньяк в глотку, – Да мне—то плюнуть и растереть, а Светка? Спрашивает, где мама – вру. Говорю, по работе мама уехала, не волнуйся, скоро вернётся, всяких подарков навезёт.

Он неожиданно сильно ударил кулаком по столу:

– Сука!

– Что врачи говорят?

– А? Врачи? – догорая, пожал плечами однокашник, – А что врачи... говорят, у девочки расстройство аутистического спектра. В лёгкой форме. Корректировать можно, вылечить нельзя. Нет, говорят, практики лечения таких заболеваний.

– Ясно. А что насчёт специализированных школ?

– Школы специализированные? А—а... есть у нас. Целых три. Но Светка решила в обычную школу. Классная у неё там хорошая. По своей программе с ней занимается. С уклоном на информатику. Говорит, Светуля – компьютерный гений.

Он улыбнулся. На этот раз по—доброму.

– Давай ещё по одной?

– Давай.

Мужчины выпили.

– А я всегда знал, что мы увидимся, – обнял гостя рукой за плечо хозяин, – даже когда ты женился там, в Праге. Извини, что по больному, какая она была, твоя Мириам?

Он уже пожалел, что задал этот вопрос, увидев, как потемнело лицо Ивана. Придумывая, как бы смягчить невольную оплошность, Михаил взглянул в сторону бара, где заманчиво поблёскивала гранями бутылка «Финской», когда тихо прозвучал ответ:

– Таких нет, Миша. Не существует. Я ради неё готов был на всё. Даже иудаизм принять. Но она сама не захотела. Видела, что мне тяжело это и против своих пошла. Наседать стали. Сказала – или вы соглашаетесь с тем как есть, или я сама стану православной христианкой! Так вот... не возражаешь, если эту тему закрою?

– Конечно, – торопливо закивал головой хозяин, – конечно!

На мерцающем экране «Тошибы» мультяшные гномики старались набрать побольше грибов. Справа, в самом углу, цифры отсчитывали количество собранного в очках. Разнообразные зверюшки, ежи или белки, иногда выхватывали лакомую добычу прямо из-под носа зазевавшегося грибника, и тогда очки уменьшались.

– Это я сама придумала! – не удержавшись, похвастала дочка Михаила Света, – Называется «Двенадцать гно-

мов». Правда только два уровня всего, третий ещё думаю... – сморгнув, она почесала нос и уже почти совсем честно призналась, – Ну, не сама, конечно. Галина Евгеньевна, наша классная, помогала. Она у нас по информатике. С этого года ввели.

– Здорово! – Маша с уважением глянула на толстое, с припухлыми мочками ушей, лицо. Света была жутко некрасива, но в её зеленоватых глазах было что-то такое... такое инопланетное! Присущее или гениям, или безумцам. Как лучик света, преломлённый в изумруде, – Но откуда ты столько знаешь?

– В сетях копаюсь. Интересно же. Само запоминается. Смотри...

Она щёлкнула «мышью» и вылетело несколько колонок цифр.

– Видишь? Здесь совсем простые команды...

– У тебя подруг много, наверное? – прискучив программированием, сменила тему Маша.

Клик! Экран компьютера погас.

– Нет у меня никаких подруг. У нас все гады. В нашем классе.

– Как это все?

– Так. Сама увидишь, – толстые губы презрительно скривились, – особенно Радынина и Золотова. А из мальчишек – Пиунов и Ковальский.

– А может, ты преувеличиваешь? – осторожно спросила

гостья.

– Нет. Преуменьшаю.

Неизвестно, что ещё хотела добавить Светлана, как в комнату заглянул Иван.

– Машуня! Меира! Пора! Собирайся.

Прощались долго. Уходить, если честно, не хотелось. Ни отцу, ни дочери. Но... надо и честь знать!

– Давай, надумаешь в наше ведомство, замолвлю словечко, – крепко пожал ему руку Михаил. И уже у самого выхода, сам не зная об этом, почти дословно повторил фразу тёти Ривы:

– А знаешь, твоей девочке Маша больше подходит, чем Меира.

Иван вздрогнул:

– А это ты к чему?

– Да ляпнул просто, – широко улыбнулся хозяин, – не бери в голову. Смотри, не те-райся!

– Постараюсь. А если что, ты ж найдёшь? А то какая ты полиция?

Они рассмеялись.

2

Школа №8 считалась лучшей. Сюда ходили дети не только представителей городского бизнеса, но и представителей власти. Впрочем, в современной реальности, это обозначает и то и другое. Но чёткого разделения не было. В одном классе свободно могли учиться дети так называемой местной элиты и дети обычных работяг, показавшие хорошие вступительные результаты.

Часто, это создавало так называемые мини-кланы. В каждом классе шло негласное деление на «чистых» и «нечистых» или на «белую кость» и «плебеев». Обычно внешне это проявлялось в дорогих шмотках, средствах связи или ювелирке, а внутренне в высокомерном поведении, презрении к «лохам» и необычайном самомнении.

Упомянутые Светой Золотова и Радынина были две некоронованные «королевы» 7—го «А», в который пришла Мира. Они сначала «в упор» не замечали новенькую, но по перешёптываниям и изучающим посматриваниям украдкой Маша поняла, что этот «не интерес» наигранный. Что вскоре и подтвердилось.

В один, как принято говорить, «прекрасный тёплый день» на большой перемене «королевы», как бы случайно, столкнулись с новенькой и соизволили обратить на неё внимание.

– Так ты реально из Праги, да? – немного в нос протянула

блондинистая Золотова, – А что к нам? Европа не нравится?

– Нет. В Европе красиво, – вежливо ответила Маша, – просто так получилось. Поэтому и уехали.

Вторая, потемнее, с коротким носиком и резко очерченными ноздрями, Радынина, пре-зрительно фыркнула:

– Гонит она. Мне мама говорила, что её отец здесь родился, а потом там женился на ев-рейке...

– Так ты, блин, жидовка, что ли? – захохотал подошедший высокий подросток с угреватым лбом и туповатым взглядом.

Собрав всю волю в кулак и не желая ссоры, Маша мысленно двинула его в дебильнова-тую рожу, но внешне очень спокойно произнесла:

– Я русская. И наполовину еврейка.

– А тебе, Ковальский, не фиолетово? Или ты фашист? – хмуро осадил угреватого Света.

– Не, вы слышали, что этот бегемот ляпнул? Совсем оборзела дефективная, – тягуче про-тянула Золотова, обращаясь к Радыниной и Ковальскому.

– А что, правда глаза колет?

– А если я тебе хрящики сломаю?

Подбадриваемый одобрительными кивками «королев», прыщавый недоумок крепко ухватил Светлану за руку и за-гнул её за спину.

Мягкий шлепок, пронзительный крик (скорее даже визг) и обалдевший от неожиданности Ковальский, по-щенячьи завывая, завертелся попой на кучке подметённых школьным

дворником листьев, обеими клешнями держась за колено.

Мария вышла из стойки и сделала шаг в сторону побледневших Золотовой и Радыниной:

– Я терпеливая и первая не начинала. И драться совсем не люблю. А ещё не люблю когда меня называют жидовкой и трогают моих подруг. Ясно?

Она кивнула Сулимовой и повернулась к «элите» спиной.

– Идём!

– Ты что, каратистка? – поморщила нос «компьютерный гений», когда они отошли на приличное расстояние от места стычки.

– А что, не похожа? – Маша улыбалась своей лучшей улыбкой.

– Вообще—то, нет.

– Это папа. Показал пару приёмов. Против хулиганов.

– Зря ты так с ними, – вздохнула Светлана, – теперь не отвязутся.

– Поживём – увидим. Я не боюсь.

Звонок на урок прозвенел финальным гонгом. Перемена закончилась.

Он давно был готов к этому разговору. Очень хотелось, чтобы именно она проявила инициативу, но... дочь молчала, о чём-то серьёзно по-взрослому размышляя, и Иван не выдержал:

– Ты чего загрустила, Меира? Школа не понравилась?

– Пап, – её голос звучал отстранённо и неуверенно, – скажи, мама ведь хорошая была, да? И тётя Рива. И дядя Соломон с Юзеком... они разве плохие?

– Кто сказал, что плохие? – изумился Иван. – А мама наша, вообще была ангелом! Постой-постой... – начал догадываться он, – всё—таки, школа, да? Тебя кто-то обидел?

– Да нет, ничего. Ты не волнуйся! Просто, почему везде не любят евреев? А, папа?

– Не ответишь на это так сразу, милая, – отец тщательно подбирал правильные слова, – Одно скажу, самые большие сволочи и подлецы – это те, кто делит людей по национальности. Но ты явно что-то скрываешь, я чувствую. Может, поделишься?

Избегая его испытывающего взгляда, Мария фальшиво весело отмахнулась:

– Ничего не скрываю. Я так просто. Передачу одну видела. По телеку. О евреях.

– Понятно. Но ты не верь всему, что показывают по телевизору. Всякие люди есть. И там дураков много, – успокоился Иван, – А как тебе Света?

– Ой! Она такая суперская! – уже искренне заулыбалась дочь, – Как будто давным-давно её знаю. А в компьютерах как понимает! Представляешь, пап, мы только информатику стали изучать, а она уже программы свои пишет!

– Представляю. Я рад, что у тебя появилась подруга. Знаешь, мы с её отцом с детского сада дружили и дружим.

Он хитро посмотрел:

– Ну а ты? Не похвастала своими рисунками?

– Да ну, что там особенного... просто для себя рисую.

– А по-моему, очень здорово! – ласковая родная рука потрепала её по затылку, – Особенно тот каштан со свечками.

Маша принесла альбом и открыла страницу с нарисованным каштаном.

– Вот этот?

– Да. Очень здорово получился! Как живой!

– Это возле Вышеграда... помнишь, с него в прошлом году ты одну «свечку» оторвал для мамы?

У девочки на глазах показались слёзы. Да, она сильная! Да, не плакса и может за себя постоять! Но... не в этот раз.

– И мама ещё сказала – «Какая красивая! Теперь у меня есть своя собственная небесная свеча!» – она позорно всхлипнула.

– Это всё тяжело малыш... – Иван посадил её, как маленькую, себе на колени и укрыл руками от внешнего мира, – но изменить мы с тобой ничего не можем. А мама... она всегда будет с нами, понимаешь?

В дверь позвонили.

На пороге смущённо переминаясь, стояла Одри Хёпберн, или, во всяком случае, её точная копия. Большие, выразительные глаза умоляюще глядели Ивану в лицо, а черные загнутые вверх ресницы слегка трепетали.

– Простите, пожалуйста! Я живу напротив. Ключ застрял

в замке. Заклинило, наверное... не поможете?

Иван молча шагнул за порог.

3

Неважно сколько лет ты знаешь человека, если тебе неожиданно попадается «родная душа». Вы можете быть знакомы годы, десятилетия – и быть обманутыми, а можете встретиться утром и вечером знать, что вам повезло и вы, наконец-то, не один.

Неизвестно, ощущала ли подобное Марина, новая знакомая, после первого обмена взглядами, но оно появилось, это чувство «родства», во всяком случае, у Ивана.

Её квартира была очень похожа на музыкальную шкатулку. Гладкие кукольные стены с розовыми обоями, очень много мелких чудных вещичек, дорожных сувениров и красивая абстрактная картина на диваном, яркая и немного раздражающая.

Станным образом, вся обстановка была настолько инородна хозяйке, что поначалу Иван даже подумал, а не съёмная ли это жилплощадь? Но спросить постеснялся.

Время остановилось, деликатно не мешая важному разговору. А может и не важному, но такому, при котором наметившееся чувство начинает медленно выкристаллизовываться, теряя аморфную размытость.

Маше тут явно нравилось. Она, краем уха слушая взрослые разговоры, листала отлично иллюстрированный альбом Левитана и качала ногой. Хозяйка ей тоже понравилась. Ис-

кренная, она не сюсюкала, не говорила штампами и не пыталась угодить. И что ценно, воспринимала Машу как равную. Сто баллов!

Чай недовольно остывал в кружках, конфеты так никто, кроме Маши, и не попробовал – не до них. Иван слушал. Приятно, по-мужски, не перебивая.

– Вы уж простите, что так разоткровенничалась перед незнакомым человеком, – попыталась независимо улыбнуться хозяйка, – сама не знаю, как вышло.

– А мы уже не незнакомы. И даже соседи. Я понимаю вас, Марина Владимировна. Спасибо вам за доверие, – Иван мягко посмотрел ей в глаза, – и по праву соседства вы позволите называть вас просто по имени и на «ты»?

Она улыбнулась.

– А вы хитрый!

– Почему?

– Потому что я первая хотела вам это предложить.

Да? – обрадовался Иван, – Тогда без проблем. Начнём сначала?

Он важно и комично протянул руку:

– Иван!

– Марина!

– Очень приятно.

– И мне.

Они помолчали.

– Может, ещё чаю?

– Нет, спасибо. Я вообще—то к кофе привык... там.

А кофе хорошего нет, – огорчилась Марина, – есть «растворяшка». Налить?

– Давайте.

– Давай! Мы же договорились!

Они так громко засмеялись, что даже увлечённая книгой Маша не удержавшись, приснула.

– Марина, можно спрошу?

– Конечно.

– А как тебе удалось от него отвязаться? – Иван неловко ёрзнул в кресле, – Извини, не из праздного любопытства интересуюсь. Просто я уже говорил, там, в Праге, у меня была своя охранная фирма, может смогу что посоветовать?

Хозяйка усмехнулась и пожала плечами:

– Ничего, нормально. Просто тема грустная. А, в общем, всё банально: сменила фамилию, паспорт, ликвидировала старые контакты и уехала. В его родной город. Он всегда его терпеть не мог. Вот я и решила – это последнее место, где он будет меня искать. Так вот.

Она резко тряхнула головой:

– А знаешь, я тебе завидую!

– Мне??

– Да!

– И чему же?

– Хотя бы тому, что ты встретил настоящую любовь и прожил в таком счастье столько лет! Не всем так везёт.

– Тем тяжелее было её потерять.

Иван поднялся.

– Машунь, нам пора!

Маша послушно встала и, бросив последний взгляд на альбом, положила его на место.

– Возьми с собой, – заметила её сожаление соседка, – потом принесёшь. Хорошо?

– Хорошо. Спасибо!

В прихожей, у двери, Марина легко дотронулась до руки гостя.

– Надеюсь, я ничего лишнего не сказала? Если да, прошу простить.

– Всё хорошо, – нашёл в себе силы просветлеть лицом Иван, – всё хорошо.

4

Он терпеть не мог этот вычурный и громоздкий камин. Каждый раз, заходя в гостиную, невольно делал шаг назад, чтобы не пройти близко от его разверстой ненасытной пасти с чёрными зубами угольков.

К несчастью, перепланировка была невозможна. Это был очень старый особняк, где ка-минная стена являлась одной из несущих – дешевле было купить новый дом. А ещё он ненавидел зеркала. Отражение словно издевалось над ним: крючковатый нос, слишком длинный для лица подбородок, немного выпученные, почти без ресниц, глаза, а ещё этот ужасный шрам, делящий правую щеку ровно напополам – от мочки уха до нижней губы.

Зато огонь ему нравился: дарил тепло и свет, которого было вполне достаточно, чтобы дотянуться до графина с «шотландским».

За спиной раздался шорох, и горбоносый невольно сунул руку в потайной карман во внутренней спинке кресла, однако, увидев причину шума расслабился.

Толстый, страшно потеющий мужчина, на «полусогнутых», протиснулся к камину и встал так, чтобы он его видел.

– Привет, Зураб! – заискивающе произнёс гость, – Я приехал сразу, как освободился.

– Привет, Пончик, – шрам на щеке побагровел до сине-

вы, – Знаешь, ты, по-моему, пере-стал различать разницу между своими удовольствиями и делом! Надеюсь, понимаешь, что это не есть здорово?

Толстяк суетливо промокнул лоб платком и угодливо зачастил слегка дрожащим голосом:

– Это не так, у меня на примете уже припасён один экземплярчик, из свеженьких... но надо время! Время! Даже в цирке, на дрессировку, отводится определённое время! А здесь человек! А ты хочешь...

– Это ты хочешь! – горбоносый Зураб угрожающе сузил глаза и хищно ощерился, – Хочешь сделать всё быстро и качественно! А?

– Конечно, конечно, – быстро-быстро закивал головой толстяк, – всё будет, как договорились!

– Договорились... а куда бы ты делся, Пончик? Тебе неделя, максимум – две. А потом... или твой экземплярчик, или... но не будем о грустном. Свободен!

– Я не подведу. Ты же знаешь меня, Зураб! Всё будет, как надо. Я позвоню.

Пятясь спиной вперёд и немного приседая от ужаса, гость вывалился из комнаты. Человек со шрамом презрительно скривил губы. Помешав кочергой прогорающие брикеты, он с явной неохотой вытащил из кармана сотовый и набрал номер.

– Жук, она здесь, – теперь манера его общения разительно изменилась: стала мягкой, и даже немного угодливой, –

Точно. Срисовали возле подъезда. Ага. Пришлю. Там ещё и две свежие, глянь. Правда, в фас некачественно, но узнать можно.

Далёкий, глуховатый голос предупредил:

– Пока просто приглядывайте. Ребятишек своих держи на дистанции. Приеду и разберусь сам. Ясно?

– Да. Без проблем. Когда будешь?

– После дождичка в четверг, – хмыкнул тот, кого назвали Жуком и отключился.

«Мудак!» – скрежетнул зубами горбоносый и бросил телефон на стоящий возле софы столик.

Огонь потухал... но ненависть только разгоралась.

Осень не всем подходит. Но Мария относилась к её абсолютным обожателям. Она привыкла возвращаться домой пешком, через парк до поворота, а потом радостно сбежать с невысокого холмика вниз – до самого подъезда. Сегодня парк был особенно красив. Разноцветный перелив листьев мягко гармонировал с местами ещё зелёной травой и бусинками дождевых капель, отражающих уступчивое солнце.

Школа выравнивалась. Не то, чтобы стало хорошо, но уж точно терпимо. Золотова и её группка с того дня во дворе обходили новенькую стороной, лишь иногда пошипивая в спину гусынями. Остальным одноклассникам она, скорее, нравилась, хотя лучшей подружкой, оставалась только Света.

А ещё повезло с учительницей по любимому предмету «Изобразительное искусство». Ксения Павловна была черноглазой, хрупкой, похожей на встрёпанную галку и удивительно доброй.

Маша вспомнила свой первый урок и задание – рисунок на вольную тему. Бревновский клаштер (замок в окрестностях Праги), её любимое с мамой место, особенно весной, когда вокруг старинной стены начинали расцветать могучие каштаны, получился совсем неплохо. Замечтавшись, она даже не услышала команду сдавать работы.

– Семёнова, ты уже где-то училась рисованию? – с искрен-

ним изумлением спросила тогда учительница.

– Нет.

– А с частным педагогом?

– Только с мамой.

– А мама? – продолжала допытываться Ксения Павловна –

Мама училась где-то?

– Да. В высшей школе прикладного искусства в Праге.

– Ясно, – «галка» смешно по-птичьи кивнула, – У тебя талант, Мария! А талант, помноженный на хорошего педагога...

– Мама умерла...

Зачем Маша это сказала, она и сама не знала. Так вышло.

Да ещё и слёзы эти проклятые... чуть не брызнули.

– Извини, – сухая ладошка легко коснулась её затылка.

Девочка подняла голову и увидела искреннее сочувствие в тёмных, как вишенки, глазах, – я не знала... а хочешь, я буду заниматься с тобой дополнительно?

– Да, хочу! Очень!

– Тогда решено! С той недели и начнём!

С этого момента они раз и навсегда поняли друг друга.

...Скрип тормозных колодок больно резанул уши. Что-то мягкое сильно прижали к лицу и голова поплыла. Мысли смешались и запутались как ниточки тёти-Ривиного клубка. Земля вылетела из-под ног, а деревья почернели и съжились. «Это землетрясение?» – успела подумать Маша и от-

ключилась. Темно-синий внедорожник резко взял с места, а на земле остался единственным свидетелем заграничный карандаш с надписью «Кохинур»...

Зубы неприятно постукивали о стакан, выплёскивая воду на рубашку. Первый раз у Ивана так тряслись руки. Вот уже несколько часов, как Маша исчезла.

Ничего. Никто не видел, никто не слышал, никто не знает. Как три известные статуэтки обезьянок.

– Не волнуйся ты так! – Михаил осторожно вытащил из его судорожно сжатых пальцев несчастный стакан, – Может, к какой подруге новой забежала, а позвонить забыла. Времени-то прошло – всего ничего.

В кабинете капитана Сулимова воздух безнадёжно сражался с табачным дымом.

– У неё кроме твоей Светы подруг нет. Это раз. А во-вторых, она бы обязательно предупредила, если бы собиралась уходить так надолго.

Звонок служебного телефона на столе Михаила заставил их вздрогнуть.

– Ага, – Сулимов озабоченно потёр переносицу, – говорите сразу домой пошла? Ясно... нет-нет, ничего не случилось. Извините.

Капитан побарабанил пальцами по столу и хмуро признался:

– Сейчас в школе аккуратно учителей расспросили. Ре-

зультатов – ноль.

– А кто звонил?

– Пиунов. Директор. Интересовался целью визита нашего сотрудника и спрашивал, почему его не уведомили.

– Что будем делать?

Михаил откинулся на спинку стула и участливо бросил взгляд на побледневшее от ожидания лицо друга:

– Что делать? Пойдём по следу.

– Не понял.

– Там, где человеческая логика пасует, – улыбнулся сыскарь, – вступает в игру собачье чу-тьё! Я вызвал кинолога, – пояснил Сулимов, – с лучшей у нас в отделении ищейкой. Ак-баром. Девочка твоя ведь пешком домой шлёпает?

– Да. От нашего дома до школы пять минут ходьбы.

– Значит, след для Акбара есть. И мы проверим, где он обрывается. Теперь ясно?

– Ты думаешь, это поможет? – с надеждой спросил Иван. – Ведь столько других запахов перекрывает...

– Перекрывает, – поднялся со стула Михаил, – Но я не зря сказал, что Акбар – лучшая ищейка в городе. Он и не такую работу выполнял. Возьми какую-нибудь Машину личную вещь. Ты с нами?

– Да, если это возможно.

– Возможно. Только прошу пока ни во что не вмешиваться. Хорошо?

– Хорошо, – Иван крепко пожал руку однокашника, –

И спасибо тебе, Миша!

6

Свет появился неожиданно. Тёмная дымка рассеивалась, медленно и тягуче вычерчивая контуры предметов, превращая их в продолжение сна. Или бреда. Или арабской сказки о Синдбаде, рассказанной ей мамой два года назад, когда привязалась простуда, и так скучно было лежать целыми днями в постели с температурой.

Маша помнила пылающие от жара щёки, едучие капельки пота на висках и желание, от-бросив одеяло, кинуться под холодный душ, нагой и счастливой.

Голова весила тонны. Она была совершенно неподъёмной, и Маше стоило немало минут просто приподнять её и оглядеться. Как младенцу. То, что она увидела на себе, удивило ещё больше: лёгкое блестящее, почти невесомое, платье и полупрозрачные розовые гольфы. Она никогда ничего подобного не носила! Не могла носить. Пошло и безвкусно.

Кровать была величиной с небольшое футбольное поле. Широкий, расшитый золотыми нитями, балдахин нависал над передней частью, закреплённый на двух резных столбиках завязками с кистями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.